

Ю. А. КАРПЕНКО, Л. Ф. ФОМИНА

**СОБСТВЕННЫЕ И НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ
НАЗВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ В РУКОПИСИ XVIII в.
«КРАТКОЕ ИЗЯВЛЕНИЕ О КРУЗЪ ЗЕМНОМ»**

В Музее редкой книги Одесской государственной научной библиотеки (ОГНБ) им. А. М. Горького хранится рукопись «Краткое изявление о крузъ земном, и раздѣленіе всехъ частей его, и которыя г(с)дрства въ каждой части собрѣтаются, кождаго г(с)дрства предѣлы, величина, съ которыми смежны, и сила, богатства, доходы и прочая». Эта рукопись не была еще предметом детального рассмотрения ученых-лингвистов. Правда, ее держал в руках академик А. И. Соболевский, который лишь констатировал факт ее существования и сделал несколько замечаний о времени появления этого сочинения и его языке¹.

Сотрудники ОГНБ им. Горького также только подтверждают наличие этого памятника, называя его «Космографией»².

Данная рукопись — один из списков перевода предисловия к голландскому атласу «Водный мир» (оригинал относится к 1693 г.).

Вопрос о времени возникновения этого списка решается исследователями по-разному: А. И. Соболевский относит его к началу XVIII в., а сотрудники библиотеки — к XVII в.

Язык и орфография памятника, как указывает А. И. Соболевский, — книжные, церковнославянские, с вкраплениями полонизмов и прибавлениями от переводчика.

В целом эта работа представляет собой космографическое сочинение, автор которого проповедует геоцентрическое мировоззрение в духе Птолемея. Однако только вступительная часть отражает схоластические взгляды средневековья, а содержание основной части — это вполне научное изложение понятий сферической астрономии и математической географии того времени; отсюда обилие терминов, характерных для эпохи формирования терминологии этих наук.

Рукопись композиционно разделяется на три части. Первая

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 144.

² М. М. Копыленко, М. В. Рапопорт. Славянско-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького. — «Тр. отдела др.-русс. литературы (Ин-та русской литературы АН СССР)», т. 16. М.—Л., 1960, стр. 546.

объясняет положение основных точек и линий на земном шаре, климатических поясов Земли и называет народы, живущие в разных поясах. Во второй части «Состояние же земель» рассмотрены вопросы нахождения географических точек по широте и долготе, измерения времени в зависимости от видимого движения Солнца по эклиптике. Третья часть сообщает о делении земного шара на части света: Европу, Азию, Африку и Америку, о государствах, их столицах, характере государственного управления и др.

Рассмотрим астрономическую терминологию, использованную в данной рукописи.

Терминология астрономии начала XVIII в. детально описана с лингвистической стороны Л. Л. Кутиной³. В поле зрения исследовательницы попали многие термины, представленные в нашей рукописи, в частности: *кругъ экваторіальній*, или *равноденственный*; *два поля*, или *оси мира*; *зонасъ*, или *поясы*; *равнитель*, нарицается *палящій*; *меридіанъ*; *оризонтъ*, *градусы*, или *степени* и другие. Тем не менее, представляется целесообразным рассмотреть некоторые из терминов, имеющих то или иное отношение к астрономии. Часть из них содержится в следующем тексте: «Его же (земной шар.— Ю. К., Л. Ф.) солнцемъ, луною, планетами и безчисленными звѣздами, ово въ потребу всякому дыханію на земли живущему, ово же въ лѣпоту сего предивнаго и великаго зданія украси...» (стр. 2).

Здесь в одном ряду с лексемами *Солнце* и *Луна*, несомненно, древнейшими собственными наименованиями самых важных для человека астрономических объектов, встречаем нарицательные термины *планета* и *звѣзда*.

Уже в глубокой древности было известно деление небесных объектов на планеты и звезды, основанное на том, что звезды кажутся на небе неподвижными, а планеты — движущимися: «От плавающих звѣздъ къ неплавающим звѣздамъ»; «планиты рекше плавающее» (Шестоднев Иоанна, ексарха Болгарского)⁴.

Слово *планета* происходит от греческого *πλανήτης* «блуждающий», которое уже в классическом греческом обозначало этот астрономический термин. Эта лексема была заимствована в древнерусский язык в форме *планитъ*, отражающей звучание и грамматическую форму (мужской род) слова в языке-источнике. Однако уже в «Изборнике Святослава» 1073 г. наблюдается колебание в роде: существительное употребляется также и в женском роде *планита*: «Слѣнцу же и лунѣ и инѣм пяти планитомъ» (мужской род), «планиты же наричуть я» (женский род)⁵.

³ Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии первой трети XVIII в.). М.—Л., 1964.

⁴ Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. (Далее ЧОИДР), кн. 3, 1879, стр. 129.

⁵ С. П. Обнорский, С. Т. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952, стр. 20.

Для терминологизации данного понятия в древнерусских текстах использовались также и описательные словосочетания — кальки греческого наименования: *преходьная звезда, плавающее; звѣзда блукающая, звѣзды заблуждающияся*.

Однако заимствование *планита* побеждает все другие синонимы и удерживается вплоть до XVII в., когда в русской астрономической терминологии усиливается влияние латинского языка, появляется новая форма *планета* (лат. *planeta*), возможно, через польский язык. На Украине оно широко фиксируется множеством памятников начала XVII в.⁶, например, так называемой «Синонімой славеноросской».

В начале XVIII в. эта форма утвердилась в научной литературе и уже в 1704 г. фиксируется словарем Ф. Поликарпова, а затем входит в активную часть словаря русского языка. Поэтому представляется вполне закономерным употребление лексемы *планета* и в исследуемом сочинении.

Звезды отличались от планет своей кажущейся неподвижностью. В соответствии с греческим названием звезд *ἀστέρες* в русском литературном языке используются терминологические сочетания *звѣзды неподвижныя, недвижимыя, недвижныя, твердыя, утвержденныя* или *фиксы*.

Расширение знаний о физической природе звезд, открытие их собственного движения приходит в противоречие с этой терминологией, стойко удерживающейся в условиях контекста, исключающего употребление старых терминов, например у М. Головина: «О движении неподвижных звезд»⁷. Такое противоречивое использование терминов наблюдается еще и в начале XIX в.⁸

В первой главе рассматриваемого списка речь идет о делении земного шара на климатические пояса. Тропики называются *кругами* Рака и Козерога: «Третій кругъ именуется кругъ Козерога, того ради тако наречень есть, понеже къ сему кругу зодіа козерога касается...» (стр. 4).

«Четверты(й) по(д) кругомъ рака» (стр. 5).

Словом *зодіа* называется в рукописи «знак Зодиака». Термин этот был широко распространен в астрономической литературе средневековья. Уже в «Изборнике Святослава» 1073 г. находим названия знаков Зодиака, а также термин, обозначающий родовое понятие — «животь»:

«слъньце оубо по коемуждо животоу ходить»⁹. Лексема

⁶ А не с самого конца XVII в., как полагает Н. И. Лепская. См.: Н. И. Лепская. К истории слова *планета*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 5. М., 1966, стр. 56.

⁷ Сокращенная астрономия или звездозаконие де-ла-Ланда. (Перевод с фр. М. Головина). СПб., 1789, стр. 427.

⁸ В «Пополнении Бугеровой науки мореплавания» Н. Г. Курганова (ч. 1, 1801, стр. 14) читаем: «Таблица прямыхъ восхожденій и склоненій главныхъ неподвижныхъ звѣздъ».

⁹ С. П. Обнорский, С. Т. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1, стр. 21.

животъ — семантическая калька греческого слова ζῳδιον «изображение животного», из которого вследствие метонимического переноса в греческом языке развилось значение «каждое из созвездий Зодиака». Старославянский язык использует в этой функции имеющуюся лексему с подобным греческому значению: слово *животъ*, кроме прочих, имело также значение «животное»¹⁰.

В качестве термина астрономии обозначение *животъ*, очевидно, проникло в древнерусскую астрономическую лексику через старославянский язык, где оно употребляется во многих сочинениях, в частности в Шестодневе Иоанна, екзарха Болгарского (1263) и Богословии Иоанна Дамаскина (XII в.). Название *животъ* использовалось переводчиками как славянский дублет к непонятному слову *зодий* — ζῳδιον «изображение животного», заимствованному в форме мужского рода: «Аще бо иже се родить во едино от тѣхъ глемое зодие еже се речеть животъ». (Шестоднев)¹¹. Однако лексема *зодий* оказывается устойчивой и вытесняет славянский термин *животъ*.

Интересно сравнить употребление глоссы к слову *зодий* в различных переводах Богословия Иоанна Дамаскина:

XII в., перевод Иоанна,
екзарха Болгарского
глють же 12 зодии еже
соуть животи

XVI в., перевод кн. Курбского
и Оболенского
глють быти на нбси 12 зодѣи,
яже соуть животны¹²

Обращает на себя внимание, что в более позднем переводе терминологическое употребление слова *животъ* исчезает. Очевидно, для переводчиков оно было неясным, и они употребили прилагательные *животны* не как синоним к термину *зодий*, а как определяющее его пояснение. Примерно с XV в. появляется форма женского рода этого слова, и в нашей рукописи оно употребляется в этой форме.

Слово *зодия* имело множество фонетических вариантов: *зодиа*, *зодея*, *зодѣя*, *задея*. Форма его варьируется в зависимости от русификации, от различных способов передачи греческих звуков.

С аналогичным семантическим наполнением функционируют в русском литературном языке XVII—XVIII вв. терминологические сочетания *небесный знак*, *небесное знамя*, *знамение*, отражающие процесс латинизации астрономической терминологии этого периода (все они восходят к лат. *signum*).

Совокупность зодиакальных созвездий, среди которых Солнце совершает свой видимый годичный оборот, называется в современ-

¹⁰ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, стр. 52.

¹¹ ЧОИДР, кн. 4, 1879, стр. 129.

¹² ЧОИДР, кн. 4, 1877, стр. 14. Предисл. А. Попова.

ной астрономии Зодиаком. Это слово, в отличие от нарицательной *зодии* (зодий ведь было 12!), должно быть отнесено к собственным именам — астронимам, так как характеризуется значением единичности. Апеллятивное значение этого астронима указывает на его вторичность, зависимость от названий отдельных знаков Зодиака.

В старославянской и древнерусской литературе понятие «Зодиака» терминировалось калькой греческого названия Зодиака *Zōdiakós kýklos* — *животный кругъ*: «животнааго кроуга отиноудь нѣсть иже то соуť сами съставили астроложьскими басньми» (Шестоднев). Точно так же калькируют греческий источник и названия *зверинный*, *зверильный круг*, употребляемые в начале XVII в.

Уже с XIII в. функционирует для обозначения Зодиака и компилятивный греческо-славянский дериват *зодиистый круг*, которому в более поздних восточнославянских переводных и оригинальных сочинениях соответствует сочетание *зодейный (задейный) круг*: «А под кругом задейным ходят семь звезд переходных» (Шестокрыл, XV в.)¹³.

С появлением на Руси астрономической науки, с развитием наблюдений над небесными объектами, распространением научной литературы возникает необходимость в четкой и единой научной терминологии, отражающей понятия новой области знания. Именно в это время, в конце XVII — начале XVIII в., в астрономическую терминологию входит слово *зодиак*, вначале сосуществуя с синонимическими словосочетаниями, а затем полностью вытеснив их. Это слово, восходя к греческому прилагательному *Zōdiakós*, однако является заимствованием из латинского языка (лат. *zodiacus*). Первая фиксация этого термина в новое время относится к «Поверстанию кругов небесных» И. Ф. Копиевского, язык которого испытывает влияние латыни (например: Урса Маіор сирѣчь воз Болшыи, Боот или Пастырь и многие другие).

В начале XVIII в. это название входит в научный обиход. Однако нельзя сказать, что лексема *зодиак* никогда до этого времени не встречалась в языке астрономических и астрологических сочинений как термин, отражающий специфику языка, с которого делался перевод (Шестокрыл XV в., Круг миротворный конец XVI — начало XVII в.), тем не менее оно получает широкое распространение именно с начала XVIII в.

Названия знаков Зодиака появились в книжном языке восточных славян, очевидно, давно как дублиеты соответствующих греческих наименований. В нашей рукописи находим два названия этих астрономических объектов, которые использовались для номинации тропиков: *круг Рака* и *круг Козерога*.

Астроним *Рак* относится к числу тех немногочисленных наименований знаков Зодиака, которые в истории русской астрономиче-

¹³ Д. О. Святский. Очерки истории астрономии в Древней Руси.— В кн.: Историко-астрономические исследования (далее — ИАИ), вып. 8. М., 1962, стр. 66.

ской терминологии не претерпели никаких изменений. Начиная от первого употребления в «Изборнике Святослава» 1073 г. и до настоящего времени это название остается постоянным. Возникло оно как калька греческого астронима *καρκίνος*.

Нередко греческие названия переходили в славянские книги без изменений или с небольшими «славянизирующими» изменениями. Таким употреблением является в «Богословии Иоанна Дамаскина» (XIV в.) слово *каркинъ* — транслитерация греческого названия без характерной флексии. И только в новое время, когда начинается процесс ориентации астрономической терминологии на латинские названия, в переводе Ф. Поликарпова «Географии генеральной» Г. Варения употреблен наряду с русским астронимом *Ракъ* латинский дублет *Канцеръ* (лат. *Cancer*).

В отличие от термина *Рак* название знака Зодиака *Козерог* обладает в истории астрономических обозначений повышенной вариативностью. Астроним *Козерог* восходит к греческому названию *αἰγόκερος* [*egokeros*], которое в старославянские памятники переносилось без перевода — *егокеръ* (Богословие Дамаскина и Шестоднев). В «Изборнике Святослава» 1073 г. греческое название передается сложным словом *козьльрогъ*. В древнегреческом языке первый компонент названия имел значение «коза», но весьма редко и «козел». Видимо, именно с этим элементом и переводится в «Изборнике» астроним.

В XVI—XVIII вв. была распространена лексема *козерожець* (*козорожець*), которая могла быть заимствована из польского языка. Интересна форма этого обозначения, употребленная на карте Ф. И. Копиевского, *кожирожекъ*: вследствие ассимиляции согласный *з* изменился в *ж*. В XV—XVII вв. бытовала также двучленная форма, передававшая тот же греческий термин — *козий рогъ*. На карте Ф. И. Копиевского фиксируется форма *Козій рожек*.

Под влиянием латинской терминологии появляется в русском литературном языке астроним *козелъ*, впервые употребленный в «Богословии Иоанна Дамаскина» в переводе XVI в. И на карте Ф. И. Копиевского фиксируется это обозначение: *Козел* или *Кожирожек* зовамый Каприкорнус¹⁴. Астроним *Козелъ* восходит к латинскому наименованию *Capre* «козел». Транслитерацию этого же латинского названия находим и в «Географии генеральной»: *капер* — козерог.

В системе латинских названий знаков Зодиака было еще одно обозначение Козерога — *Capricornus*. С транслитерацией этого наименования встречаемся в конце XVII — начале XVIII в. у Копиевского и Варения.

Таким образом, название знака Зодиака *Козерог* претерпело ряд словообразовательных и фонетических изменений. Сам же астроним *Козерог* распространился в XVII—XVIII вв. и вытеснил

¹⁴ А. Д. Могилко. О звездных картах и атласах, изданных в России и СССР. — ИАИ, вып. 7, 1961. (карта Ф. И. Копиевского).

форму *Козерожец*. В исследуемой рукописи употреблено два варианта этого наименования: *Козерогъ* и *Кожерогъ*.

Кроме тропиков Рака и Козерога, в работе отмечены также полярные круги — *Артикусь* и *Антарктикусь*. Название *Артикусь* объяснено переводчиком: «понеже подь лосемъ самымъ проходить». Лосем здесь названо созвездие Большой Медведицы. Любопытно, что толкование это ничего не объясняет, переводчик привел здесь более понятное, известное название созвездия.

Астроним *Лось* или *Сохатый* являлся, по-видимому, первичным названием созвездия Большой Медведицы на Севере и в Сибири. Охота на лося занимала важное место в хозяйственной жизни жителя этих районов. Зверя этого обожествляли, и не случайно его образ был перенесен на небо.

Такое название встречается на территории Иркутской, Костромской, Архангельской, Олонецкой, Псковской, Новгородской губерний. Но оно проникло и на юг и в эпоху средневековья стало, очевидно, общеизвестным и всеупотребительным. Уже в XV в. оно упоминается Афанасием Никитиным: «Лось головою стоитъ на востокъ»¹⁵.

Большой знаток русской народной астрономии Д. О. Святский писал: «Некоторые крестьяне бывшей Новгородской губернии руководствовались при молотье хлеба Большой Медведицей и называли ее Лосем. Обмолот хлеба шел ночью и начинался с Покрова, когда Лось стоит с обращенным хвостом книзу. Если же кто из крестьян запоздает, то ему обыкновенно говорили: «смотри, пора, Лось начал поднимать свой хвост к заре». С восходом солнца, когда Лось становился хвостом вверх, молотба оканчивалась»¹⁶.

Называние Большой Медведицы Лосем распространено и у северных народностей СССР. Многочисленны у народов Севера и легенды, объясняющие происхождение этого названия.

Астроним *Лось* был вытеснен под влиянием латинской терминологии астронимом *Большая Медведица*, но и сейчас он сохраняется в диалектах русского языка: «Лось есть: тут нога, тут нога, а куда три звездочки — хвост»¹⁷.

Астрономическая терминология рассмотренной рукописи характерна для начала XVIII в. Здесь широко представлены латинские термины, заимствованные в этот период развития литературного языка (*меридианъ*, *кругъ экваториальный*), греческая терминология более раннего периода заимствования (*зодиа*), русские кальки иноязычных названий (*Ракъ*, *Козерогъ*) и оригинальные русские народные наименования (*Лось*). Такая терминологическая пестрота весьма показательна для раннего периода становления научной астрономической терминологии, каким было начало XVIII в.

¹⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2. М., 1958, стлб. 47.

¹⁶ Д. О. Святский. Очерки истории астрономии в Древней Руси.— ИАИ, вып. 7. М., 1961, стр. 118.

¹⁷ М. Э. Рут. К вопросу о принципах номинации созвездий.— ВТ, № 6. Свердловск, 1972, стр. 87.